

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Указатель сокращений	13
Указатель карт	14
1. Введение	15
1.1. <i>Тема</i>	15
1.2. <i>Терминология</i>	28
1.3. <i>Теоретические и методологические вопросы</i>	34
Господство в многонациональном государстве: этническое и географическое многообразие	37
Нерусские этнические группы на Востоке	38
Нерусские этнические группы на юге и юго-востоке	41
Нерусские этнические группы на Северном Кавказе	42
Участники событий и их названия	44
Анализ имперского господства и постколониальные исследования	50
1.4. <i>Степень изученности проблемы и источники</i>	53
1.5. <i>Структура работы</i>	60
2. Концепция подданства как инструмент создания империи	64
2.1. <i>Возникновение концепции подданства</i>	66
2.2. <i>Критерии российского подданства</i>	91
2.3. <i>Подданство, образование государства и империи</i>	100
От холопства к подданству	105
От подданства к протекции и покровительству	116
2.4. <i>Вывод</i>	122
3. Заложничество как имперский и колониальный инструмент	125
3.1. <i>Заложничество в мировой истории</i>	126
3.2. <i>Монгольский трансфер? Средневековая практика заложничества в восточнославянском пространстве</i>	132
3.3. <i>Становление заложничества в Московском государстве</i>	143
Вопрос об истоках	143
Начало московского заложничества на Северном Кавказе	150
Региональная специфика московского заложничества	163

3.4. <i>Новое измерение в XVIII веке:</i> <i>аманатство и миссия цивилизования</i>	168
Заложничество среди казахов	172
Новое веяние Василия Никитича Татищева	177
3.5. <i>Аманатство в различных моделях</i>	180
Через заднюю дверь: введение заложничества у казахов	180
Борьба за власть: оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев и казахский Абулхаир-хан	185
Ускорение перемен	190
Записка Петра Ивановича Рычкова и Алексея Ивановича Тевкелева 1759 года	192
Новая форма заложничества при Екатерине II	196
Неоправдавшиеся надежды	200
Новый прорыв под руководством Осипа Андреевича Игельстрема	204
Миссия цивилизования на Северном Кавказе	208
Миссия цивилизования в Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на Аляске	211
Структурная реформа	214
Дальний Восток и северная часть Тихого океана	216
Григорий Иванович Шелихов и заложничество	224
Взятие заложников в XIX веке	230
3.6. <i>Вывод</i>	234
4. Концепты и практики цивилизования и интеграции	238
4.1. <i>Предметное поле: «цивилизованность» и «цивилизация»</i>	239
Империя и цивилизованность	245
Международное право и «цивилизованность»	247
Совместный труд о Северной войне	250
Политичный	258
Humanitas — людскость	260
Просвещение	271
«Варвары» и «варварство»	274
«Дикие» и «дикость»	281
Вывод	284
4.2. <i>Территория: строительство крепостей и укрепленные линии</i>	287
Пространственный образ Российской империи и среднеазиатская степь со времен Петра I	289
Укрепленные линии как инструмент имперской политики	292

Новое измерение: пространственная «ориентация» и колониальная политика	297
От Каспийского моря до Алтайских гор	305
Команда для обеспечения территориального «порядка» подвластных территорий	311
Конструкция «внутри» и «снаружи»	320
Укрепленные линии и крепости как база для российской политики цивилизирования	327
Эксперимент: создание «Внутренней Орды»	335
Трансфер новой территориальной политики на Северный Кавказ	339
Вывод	345
<i>4.3. Религия: государственная миссионерская политика</i>	<i>348</i>
Первый этап инициированного государством миссионерства в XVI веке	351
Государственное миссионерство в конце XVI—XVII веке	356
Предвестники петровских перемен: миссионерская политика в конце XVII века	360
Петровская эпоха	366
Обращение в христианство в зависимости от уровня цивилизованности	382
Переселение как инструмент русской православной миссии	388
Вывод	394
<i>4.4. Экономика и образ жизни: кампания по введению оседлости</i>	<i>396</i>
Изменение в восприятии	398
Проект Ставрополь	401
Успех, отрезвление и стратегическое разнообразие	410
Секуляризация кампании по утверждению оседлости	417
Стратегия обессиливания	423
Кочевники в рамках универсальной теории стадийного развития	432
Смена фокуса: от человека к стране	440
От стимулирования к дискриминации	451
Региональное многообразие	455
Выводы и перспективы	459
<i>4.5. Господство и право: трансформация местных структур</i>	<i>465</i>
Российская политика административного проникновения и лоялизация калмыцкой элиты	476
Артемий Петрович Волынский как новый губернатор Астрахани	479
Перипетии российской борьбы за ханскую инвестиру у калмыков	486

Перемены после смерти хана Дондука-Омбо	489
Последний этап лишения власти калмыцкого самоуправления	496
Российская политика административного внедрения в казахскую элиту, ее лоялизации и цивилизирования	501
Иван Иванович Неплюев как руководитель Оренбургской комиссии и первый оренбургский губернатор	507
Переломный момент: Российская империя ставит ханом Нуралы	510
Отрезвление и новые стратегические соображения	519
Новый подход Екатерины II в отношении казахов	525
Осип Андреевич Игельстром как новый губернатор в Оренбурге	532
Провал реформ О. А. Игельстрома	541
Начало конца казахского самоуправления	546
Выводы и перспективы	556
4.6. Политическая культура: обеспечение лояльности с помощью милости и дара	562
Концепция милости и ее презентация в имперском контексте	563
Поездки с целью принесения присяги	570
Культура даров как имперский инструмент господства	586
Выводы	605
5. Заключение	608
6. Источники и литература	637
6.1. <i>Источники</i>	637
6.2. <i>Исследовательская литература</i>	645
7. Источники иллюстраций	698
8. Указатели	700
8.1. <i>Именной указатель</i>	700
8.2. <i>Географические и этнические обозначения</i>	706

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является переработанной версией докторской диссертации, которая была представлена в 2018 году на факультет истории и искусствоведения мюнхенского Университета Людвиг-Максимилиана. Многие люди и организации помогли мне на этом пути. Я хотела бы от всего сердца поблагодарить их за руководство, поддержку, советы и подсказки.

Прежде всего я хотела бы поблагодарить профессора доктора Мартина Шульце Весселя, который как научный руководитель моего диссертационного проекта не только предоставил мне необходимую свободу и активно поддерживал меня в реализации проекта, но и всегда внушал мне уверенность в том, что мои многолетние исследования приведут к достойному результату. Моим менторам — профессору д-ру Кристофу Нойману и профессору д-ру Мартину Аусту я обязана ценными указаниями и советами, а также критическими отзывами на окончательный вариант рукописи. Мартин Ауст, многолетний друг и компаньон по научной деятельности, всегда находил время для дискуссии, вдохновляющей меня на новые идеи.

Немецкое научно-исследовательское общество предоставило мне как матери троих детей «персональную ставку с частичной занятостью», создав тем самым роскошные условия для научной работы. Щедрые исследовательские гранты Баварского фонда поддержки равных возможностей и Фонда Герды Хенкель помогли довести обширный проект до конца. Я выражаю мою искреннюю благодарность всем трем учреждениям.

Более десяти лет я могла рассчитывать на помощь сотрудников университетской библиотеки Свободного университета в Берлине, особенно службы межбиблиотечного абонемента, которая снабжала меня материалами из самых отдаленных регионов мира. Я хотела бы поблагодарить Маркуса Бресгота

из отдела оцифровки за его умение преодолевать любые проблемы при оцифровке старых иллюстраций.

Незаменимым для проекта был обмен идеями с коллегами. Прежде всего я хотела бы поблагодарить Джона Ледонна и, к сожалению, слишком рано ушедшего Марка Раева, которые не только вдохновили меня на написание данной работы, но чей живой интерес к проекту и критические замечания (изложенные в длинных письмах) задавали на ранних этапах важные векторы работы. Я благодарна Майклу Ходарковскому за плодотворный обмен мнениями, происходивший от Саппоро до Филадельфии; Уилларда Сандерленда я благодарю за чрезвычайно важную беседу в Вашингтоне, а более всех остальных я хотела бы выразить признательность Андреасу Каппелеру, который не только поддерживал меня советами на протяжении десяти лет, но и вычитывал и критически комментировал отдельные главы.

Кроме того, немало важных импульсов придали работе конференции по истории империй, особенно конференция «Азиатская Россия», организованная в Японии Томохико Уямой; конференция по глобализации в XVIII веке на озере Комо под руководством Маттиаса Мидделла; конференция по сравнительной и реляционной истории империи, которую мы организовали в Москве с Мартином Аустом и Алексеем Миллером; посвященная истории понятий конференция Ингрид Ширле, Дениса Сдвижкова и Алексея Миллера в Москве; конференция о пространственных образах, воле к порядку и мобилизации насилия, организованная в Гамбурге Ульрикой Юрайт, и семинар о связи между Просвещением и колониализмом, проведенный Дамьеном Трикуаром в Галле.

Концепция и фрагменты исследования были представлены и стали предметом дискуссии на многочисленных исследовательских коллоквиумах, где высказывались ценные критические замечания, предложения и советы. Я хотела бы поблагодарить руководителей и участников исследовательских коллоквиумов в Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса при Гарвардском университете, в Университете Людвига-Максимилиана в Мюнхене, в Берлинском университете имени Гумбольдтов, на кафедрах в университетах Билефельда,

Констанца, Тюбингена, Бонна, Фрайбурга, Базеля и Эрлангена, в Гамбургском институте социальных исследований и особенно небольшую, но очень чуткую аудиторию в Ходдздоне — ежегодном месте встреч британской Исследовательской группы XVIII века.

Помимо уже названных лиц, я хотела бы поблагодарить многочисленных коллег и друзей, которые обогатили мой исследовательский проект указаниями на литературу, на определенные источники, в том числе в процессе насыщенных бесед. Вот лишь некоторые из них: Ульрике Вельс, Мартина Винклер, Доминик Гепперт, Керстин С. Йобст, Глеб Казаков, Колум Лекки, Максимилиан Мюллер-Херлин, Денис Сдвижков, Ванесса де Сенаркленс, Райнхард Фрётшнер, Каролина Хассельман, Шарлотта Хенце, Ульрих Хофмайстер, Фритьоф Беньямин Шенк и Зильке Штрикродт. Моим «звездным часом», состоявшимся благодаря Ульрике фон Арним, Анне Дитрих и М. Мюллер-Херлину, стал «Симпозиум друзей» по случаю представления моей докторской диссертации, на котором я имела возможность продемонстрировать результаты исследования юристам, литературоведам, врачам, экономистам и инженерам.

Рукопись диссертации или ее отдельные главы прочли и сделали ценные критические замечания Аксель Вульпиус, Франциска Дэвис, Штефан Иро, Матиас Граф фон Кильмансегг, Екатерина Махотина, М. Мюллер-Херлин, Ш. Хенце, У. Хофмайстер, Ф.Б. Шенк и Дитмар Шорковиц. Моя сестра Карола Вульпиус вычитала диссертацию как корректор. Всем им, кто нашел моей работе место в своей насыщенной профессиональной жизни, я выражаю огромную благодарность.

Я хотела бы поблагодарить редакторов серии *Beiträge zur Geschichte Osteuropas* («Материалы к истории Восточной Европы») за включение моей монографии в издательский план и за ценную критику и выразить особую признательность Ф.Б. Шенку, который не только помог мне найти лаконичное название для работы, но и поддерживал меня по мере своих возможностей последние десять лет на этом нелегком пути. Я благодарна издательству Böhlau Verlag за профессиональную поддержку на завершающих этапах подготовки рукописи, отделу корректуры — за заботу и настойчивость и особенно Фонду Герды

Хенкель — за щедрую финансовую поддержку, позволившую напечатать книгу.

Наряду с моими родителями, которые всегда были рядом, и моими тремя детьми, делающими мою жизнь бесконечно счастливой, самую большую благодарность — последнему в списке, но далеко не последнему по значимости — я высказываю моему мужу Матиасу. Без его поддержки, ободрения и любви я, конечно, никогда не смогла бы закончить эту книгу; она посвящена ему.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

- ААЕ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
- КабРО — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках
- КРО — Казахско-русские отношения
- МипсК — Материалы по истории политического строя Казахстана
- МпиБ — Материалы по истории Башкортостана
- МпиБ АССР — Материалы по истории Башкирской АССР
- МпиК — Материалы по истории Казахской ССР
- ПиБ — Письма и бумаги Петра Великого
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи, серия 1
- ПСПр — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РДагО — Русско-дагестанские отношения
- РМонгО — Русско-монгольские отношения
- РТуркО — Русско-туркменские отношения
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
- СИРИО — Сборник императорского Русского исторического общества
- FOG — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
- JbfgO — Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas
- MERSH — Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History

УКАЗАТЕЛЬ КАРТ

- Рис. 2. Терская крепость на реке Терек между Черным и Каспийским морями, расположенная между территориями кумыков и кабардинцев на Северном Кавказе, XVIII век
- Рис. 7. Северная часть Тихого океана с Камчаткой и Русской Америкой, включая прибрежные острова Аляски — Алеутские острова и остров Кадьяк, главную базу Григория Ивановича Шелихова. Карта Билла Нельсона
- Рис. 13. Окружение Транскамской и Оренбургской укрепленными линиями башкирских поселений. 1736–1743
- Рис. 14. Оренбургская укрепленная линия (от Каспийского моря до Алтайских гор) отделяет калмыков и башкир от территорий летнего расселения казахских Младшего, Среднего и Старшего жузов. Вторая половина XVIII века
- Рис. 18. Букеевская Орда на «внутренней стороне», Младший, Средний и Старший казахские жузы на «внешней стороне». Центральная Азия в XIX веке
- Рис. 19. Кавказские линии XVIII века и российская южная граница 1829 года

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. ТЕМА

После крупной победы над Швецией в Северной войне царю Петру I был присвоен титул «императора». Если до этого страна именовалась Московской Русью, царством или государством, Русской землей или Россией, то отныне она была на уровне понятия преобразована современниками событий в «империю». Означало ли это, что произошло некое коренное изменение? И если да, то что именно изменилось? Разве прежде в восприятии государственной элиты еще не существовало империи? И что понимали современники Петра I и его преемниц под империей? Заложило ли это понимание основы имперского сознания, которое продолжает оказывать влияние в России и в наши дни?

Историк Райнхарт Козеллек предложил различать понятия, происходящие из источников, и понятия, применяемые в историческом анализе. Если взглянуть с данной точки зрения на термин «империя» как на категорию аналитического познания и задаться вопросом — с точки зрения *современного* понимания империи — о возникновении Российской империи как многонациональной державы, то точкой отсчета считается завоевание Великим княжеством Московским обоих крайних западных оплотов Золотой Орды, а именно Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств¹. В действительности на севере страны в состав княжества уже раньше были включены нерусскоговорящие и неправославные этнические группы. Но в случае с ордынскими ханствами речь впервые шла о включении суверенных государств с династической легитимностью власти и чужеродной

¹ Канпелер. Россия — многонациональная империя. С. 17; Hosking. Russia. P. 3 f. — Подробно об определении термина «империя» см. ниже (гл. 1.2).

высокоразвитой культурой, жители которых придерживались нехристианской религии, а именно ислама, и имели сравнимую с русскими дифференцированную социальную структуру¹.

Уважение, с которым русская сторона относилась ко всем трем ханствам Золотой Орды — Казанскому, Астраханскому и завоеванному в XVII веке Сибирскому, — выразалось в том числе в том, что в русских источниках они всегда именовались царствами. Когда Великое княжество Московское выиграло битву за господство над ханствами, московские государи стали претендовать на то, чтобы прибавить к своей титулатуре соответственно титул «Царь Казанский, Астраханский и Сибирский». В то время как титул «Царь и Великий Князь всея Руси» с 1721 года был официально изменен на «Император Всероссийский», три татарских царских титула сохранялись до конца существования империи, то есть до февраля 1917 года (все дореволюционные даты, касающиеся российского государства, в книге приводятся по юлианскому календарю). Они недвусмысленно выражали притязание на то, что Московское государство унаследовало власть над этими государствами от Орды — державы, под властью которой русские сами находились на протяжении более двухсот лет².

Однако несмотря на очевидные признаки того, что падением старой империи воспользовались для создания новой, в источниках конца XVI и XVII веков все еще обнаруживается недостаточно свидетельств того, что цари и их правящая элита осознавали себя правителями империи — империи, которую можно разделить на различные периферии, каждая из которых

¹ *Kappeler*. Россия — многонациональная империя. С. 17; *Kappeler*. Vom Moskauer Fürstentum. S. 157–178. — В своих недавно вышедших обзорных работах по истории Российской империи Нэнси Коллманн, Валери Кивельсон и Рональд Григор Суни также усматривают в завоеваниях 1552 года начало качественно нового этапа имперской истории Московии. При этом, однако, они подчеркивают, что насильственная экспансия Московского княжества уже имела имперские черты. Господство над неславянскими и нехристианскими подданными началось еще около 1450 года. *Kollmann*. The Russian Empire. P. 41, 55; *Kivelson*, *Suny*. Russia's Empires. P. 54, 61–62.

² *Kappeler*. Формирование Российской империи. С. 94–112; *Szeftel*. The Title of the Muscovite Monarch. P. 59–81; *De Madariaga*. Tsar into Emperor. P. 351–381; *Успенский*. Царь и император; *Солодкин*. О принятии Борисом Годуновым титула Сибирского царя. С. 55–57.

включала свои этнические группы¹. Новое царство не могло или не стремилось говорить на имперском языке. Скорее политика базировалась (с незначительными, но немаловажными исключениями, которые еще будут рассмотрены в данной работе), как и прежде, на принципах патримониального государства, на принципе *вотчины*, которые определяли политические отношения между государем и его подданными в период раздробленности русских княжеств². Согласно этим принципам, все подданные были в целом равны между собой по отношению к государю: не существовало принципиальной разницы между русскими и нерусскими, православными и неправославными землями³.

С завоеванием Сибири до границы с Китаем и с поглощением, помимо Казанского и Астраханского ханств, левобережной Украины, возникло обширное властное образование в виде многочисленных разнообразных этнических групп, конфессий и полунезависимых политических субъектов — *де-факто империя*⁴. Однако поскольку Московское государство продолжало в основном придерживаться патримониального дискурса, Александр Филюшкин предложил ввести для обозначения этой фазы понятие *неонатальная империя*, «империя-младенец»⁵.

Только в этом контексте становится понятно то значение, которое, как я намереваюсь показать в своем исследовании, имел

¹ *Raeff*. Patterns of Russian Imperial Policy. P. 157; *Kollmann*. The Russian Empire. P. 55. — Исключение представляет завещание Ивана III 1503–1504 годов: среди подданных Великого князя прямо упоминаются многочисленные нерусские этнические группы — мордва, черемисы, остяки, вогулы. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 356 и далее; *Kappeler*. Ethnische Minderheiten im Alten Russland. S. 135.

² *Филюшкин*. Проблема генезиса Российской империи; *Каменский*. Подданство, лояльность, патриотизм; *Vodoff*. Contribution à l'histoire du vocabulaire politique.

³ Однако это не исключало возможности предоставления различным этническим группам неотъемлемых прав на определенные земли в соответствии с Уложением 1649 года. Уложение, гл. 16, ст. 13–14 // ПСЗРИ. Т. 1. № 1 (29.01.1649). С. 1–161, здесь с. 76; *Kivelson*. Claiming Siberia. P. 30; *Idem*. Cartographies of Tsardom. P. 202–203.

⁴ Выражение *де-факто империя* применяет *Kollmann*. The Russian Empire. P. 41.

⁵ *Филюшкин*. Проблема генезиса Российской империи. С. 379. — Джейн Бурбанк и Фредерик Купер говорят о «патримониальной империи». *Burbank*, *Cooper*. Imperien der Weltgeschichte. S. 252.

XVIII век в развитии российского царства: это столетие, в котором разрыв между империей как категорией аналитического познания и категорией, происходящей из источников, исчезает. В этот период, обрамленный царствованиями Петра I и Екатерины II, произошли глубокие изменения в традиционном мышлении и практике российской элиты благодаря принятию изначально дихотомической концепции цивилизации и варварства из «Западной Европы»¹. Эти перемены привели к формированию всеобъемлющего имперского самосознания, что, соответственно, позволяет говорить о рождении Российской империи в применении именно к XVIII веку².

Эти изменения выразились — согласно центральным тезисам данной работы — во-первых, в том, что Петр I и его окружение, приняв парадигму цивилизованности, инициировали дискурс цивилизаторской миссии в отношении нехристианских этнических групп на юге и востоке, в котором роль образца играло собственное русское и аккультурированное российское население, включая крестьян, а также в том, что, независимо от этого процесса, Петр I начал дискурс самоцивилизации³.

¹ Помещение понятия «Западная Европа» в кавычки указывает на то, что подобные географические объединения являются конструктами. Со второй половины XVIII века была «изобретена» «Западная» Европа — с положительной коннотацией — и, соответственно, «Восточная Европа» и «Россия», которая все больше причислялась к последней и, таким образом, в сознании людей исключалась из «Западной» Европы. *Wolf*. *Inventing Eastern Europe*; *Klug*. «Europa und europäisch» im russischen Denken; *Kappeler*. *Russland und Europa — Russland in Europa*.

² Жан-Поль Гишар назвал вышедшую в 2018 году книгу «L'Émergence de l'Empire Russe. L'Europe byzantine jusqu'à Catherine II» («Возникновение Российской империи. Византийская Европа до Екатерины II»), в которой, однако речь идет о внешнеполитическом развитии царства на протяжении четырех веков и, в частности, о территориальных завоеваниях на Западе.

³ Вопрос о том, что понимали под терминами «цивилизованность» и «цивилизирование» сами участники событий, рассматривается в отдельных главах, подглаве 4.1 и в заключении. — Обозначение «нехристианские народы на юге и востоке царства» происходит не из источников и включает множество гетерогенных этнических групп. Данное обозначение служит исключительно для того, чтобы провести принципиальное различие между политикой в отношении присоединенных или завоеванных христианских народов «на севере и западе» и в отношении нехристианских народов «на юге и востоке». Более детально об этнических группах на юге и востоке см. ниже (гл. 1.3).

Во-вторых, речь шла не просто о дискурсе: эти изменения, начатые Петром I, ставшие более интенсивными при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне и лишь постепенно усиливавшиеся при Екатерине II, отразились и в политике «цивилизации». В-третьих, в контексте русской традиции государственного строительства эта «политика цивилизации» означала начало реализации многообразных стратегий по изменению нехристианских этнических групп с целью их «слияния» с титульным народом или, по крайней мере, максимально возможного сближения с ним. В процессе реализации намерений аккультурации и частичной ассимиляции произошла до некоторой степени трансформация имперского мышления и имперских практик в сторону господства колониального характера. В свете всего вышесказанного в работе выдвигается аргумент в пользу того — и это в-четвертых, — что российское владычество уже в XVIII веке, пусть и с временными и географическими ограничениями, может стать предметом компаративистских исследований колониализма¹. И в-пятых, работа определяет российскую рецепцию отдельных нарративов Просвещения как движущую силу перехода к колониальной политике. Таким образом, данный анализ призван способствовать включению Российской империи, с точки зрения историков, в глобальное исследование такой спорной темы, как взаимосвязь между колониализмом и Просвещением².

¹ В международных исследованиях колониализма до настоящего времени Московскому царству уделялось недостаточно внимания. *Eckert. Kolonialismus; Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus.* — Уже в 1976 году Урс Биттерли сетовал, что западные историки охотно забывают, «что история России также знала периоды колониальной экспансии». *Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten».* S. 59. Среди других авторов, призывающих к включению Российской империи в общее исследование колониализма: *Jobst. Orientalism; Idem. Where the Orient Ends?; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier; Idem. Colonial Frontiers in Eighteenth-Century Russia;* Джон Дарвин характеризует Россию начиная с XVIII века как «исполинского колонизатора» («colossal colonialist»). *Darwin. After Tamerlane.* P. 119.

² Первые подходы к этому вопросу см.: *Vulpus. Civilizing Strategies.* — Дебаты о сложных взаимоотношениях между Просвещением и колониализмом начала почти пятьдесят лет назад Дюше: *Duchet. Anthropologie et Historie.* Особенно в гл. 18. Краткий обзор этой дискуссии до настоящего времени: *Tricoire. Introduction.* P. 2–5.

Высказывая вышеназванные тезисы, я по нескольким аспектам занимаю позиции, противоречащие тем, которые встречаются в работах других авторов, или призываю к модификации представляемых ими точек зрения.

Во-первых, цель состоит в том, чтобы внести вклад в дискуссию о периодизации и опровергнуть сложившиеся в последнее время представления, согласно которым петровский период не рассматривается как значимый поворотный пункт в истории Российской империи. В два последних десятилетия рядом историков были приведены веские аргументы в пользу отказа от прежней классификации, согласно которой раннее Новое время завершилось с Петровской эпохой и с провозглашением Петра «императором» российского государства, и замены ее описанием периода относительной преемственности приблизительно от 1500 до 1800 года¹. Традиционная периодизация, в центре которой находился Петр I, была ориентирована исключительно на центр, не уделяя равного внимания провинции; учитывала только элиту, игнорируя широкие массы населения; и отражала влияние тезиса о масштабной секуляризации, хотя де-факто религиозные верования и практики по-прежнему сохраняли большое значение. Брачная политика правящих династий Рюриковичей и Романовых также обнаруживает единую линию развития с 1495 по 1797 год, поскольку только в этот период, за редким исключением, невесты для царей выбирались не за границей, а из собственных служилых людей. Следовательно, только с изменением процедуры царем Павлом I удалось, по мнению этих историков, существенно ограничить борьбу за власть и влияние между высокопоставленными семействами².

Однако главный аргумент, выдвигаемый в поддержку тезиса о преемственности, заключается в том, что при ближайшем рассмотрении все до настоящего времени приписываемые Петру I нововведения были осуществлены уже в XVII веке, а значит, до него³. К числу таких нововведений относится и отделение

¹ *Waugh*. We have never been modern; *Kollmann*. The Russian Empire. P. 6; *Ostrowski*. The End of Muscovy.

² *Martin*. The Petrine Divide and the Periodization.

³ *Troebst*. Schwellenjahr 1667?; *Plochy*. The Origins of the Slavic Nations. P. 296.

государства от личности царя, и появление представления о «Западе» как о «Другом», которое в будущем сформирует русскую национальную идентичность¹. Масштабы петровской экспансии, по мнению сторонников этой точки зрения, тоже не выдерживают сравнения с размахом более ранних экспансий². Однако, для данного исследования самым существенным является утверждение, что в отношении категории «империя» в XVIII веке не происходило никаких значительных коренных изменений по сравнению с развитием предыдущих столетий³: лишь самое раннее в конце XVIII века, если вообще не в конце XIX, российская элита стала воспринимать свое государство как империю. Взгляд, согласно которому лишь в XIX веке сформировалась имперская политика, направленная на изменение образа жизни и стиля правления инкорпорированных нехристианских этнических групп, нашел приверженцев как среди историков раннего Нового времени, так и среди историков Нового времени⁴.

В свете этой дискуссии особенно важной представляется задача: выявить характер изменений имперской политики в XVIII веке и, в частности, в эпоху Петра I как поворотного момента истории империи⁵. На примере истории империи должно быть в то же время показано, что при создании периодизации более продуктивно основываться на отдельных областях политики, чем отрицать с помощью обобщающих утверждений возможность одновременности неодновременного. Эта дискуссия заставляет и в предлагаемой вниманию читателя работе постоянно уделять значительное внимание вопросу о том, в какой степени конкретные имперские концепции и практики

¹ Данные аспекты Вера Тольц в свое время выделила в качестве достижений Петра I. *Tolz. Russia*. P. 42–43.

² *Ostrowski. The End of Muscovy*. P. 430–431.

³ *LeDonne. Building an Infrastructure of Empire; Ostrowski. The End of Muscovy*. P. 431. — Илья Герасимов считает, что движение в направлении решительной имперской политики началось самое раннее с Екатерины II. *Gerasimov. The Great Imperial Revolution*. P. 33.

⁴ Ср., помимо Островского, также: *Kollmann. Comment: Divides and Ends*. P. 324, и *Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit*. S. 487–488.

⁵ Джеймс Кракрафт, хотя и рассматривал Петровскую эпоху как выдающийся и революционный прорыв в русской истории, почти полностью оставил без внимания сферу имперской политики. *Cracraft. The Revolution of Peter the Great; Idem. The Petrine Revolution in Russian Culture; Idem. Empire versus Nation*.

правления российской элиты XVIII века продолжали следовать давно известному или внедряли новое.

Во-вторых, работа оспаривает точку зрения, согласно которой дискурс цивилизаторской миссии Петра I, шедший рука об руку с европеизацией и «вестернизацией», а также усилия первого российского императора по разработке и проведению «политики цивилизования» *одинаково* охватывали все его государство. Согласно этому мнению, в XVIII веке не существовало разницы между самоцивилизированием и цивилизованием других; скорее и то и другое основывалось на одном и том же дискурсе¹. Эта точка зрения скрывает, однако, от наших глаз тот факт, что принятие парадигмы цивилизованности сподвигло российскую имперскую элиту не только присвоить чужие территории господства и культурные области, но прежде всего попытаться изменить их в соответствии со стандартами образа жизни русского или российского аккультурированного населения «метрополии». Наблюдатель, не делающий различий между самоцивилизированием и цивилизованием других, рискует впасть в апологию унитарного государства, восходящую к традиции национальной историографии русских историков XIX века. Кроме того, русская/российская цивилизаторская миссия XIX века (по поводу которой царит всеобщий консенсус) лишается своего периода становления и важной предыстории².

В-третьих, ставятся под сомнение представления об отношениях между империей и воображаемой «нацией» в Российской империи XVIII века. Оспаривается также точка зрения, согласно которой внутри российского государства тогда еще не проводилось концептуального различия между группами, воспринимаемыми как этнически однородные (*нация*), и нацией как населением империи в целом, охватывающим всех жителей государства, и они еще рассматривались как синонимы³.

¹ Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. S. 487, 495; Hildermeier. Geschichte Russlands. S. 549–557; Osterhammel. The Great Work of Uplifting Mankind. P. 392–395.

² Об идее русской/российской цивилизаторской миссии в XIX веке см.: Bassin. Imperial Visions; Hofmeister. Die Bürde des Weißen Zaren.

³ А. И. Миллер рассматривает понятие *нация* применительно к XVIII веку исключительно в значении «народ», «дворянская корпорация» и как синоним суверенного государства. Миллер. История понятия *нация* в России. С. 9–11; Он же. Империя Романовых и национализм. С. 314; Он же. *Нация*. С. 41–43.

Отвергается мнение, будто в течение XVIII века в сознании российской элиты утвердилось нагруженное оценочными суждениями представление о географическом разделении страны на европейскую и азиатскую части, где последняя приняла образ колониального «Другого»¹. Напротив, как показывает настоящая работа, российская элита XVIII века была очень хорошо осведомлена о различиях между нацией как государствообразующим народом, в котором преобладали русские, и жителями нерусских окраин, между российским подданством (принадлежностью к империи) и нерусской «национальной принадлежностью» в смысле принадлежности к одной из этнических групп (*наций*), живущих внутри империи². В то же время разработанные ею (элитой) концепции и практики господства в отношении нерусских этнических групп на юге и востоке были направлены не на создание географически зафиксированного колониального оппонента. Колониальный подход ее политики был обусловлен не *географической* локализацией колонии, а предположением о собственном цивилизационном превосходстве над нехристианскими этническими группами, чей образ жизни должен был трансформироваться в соответствии с интересами метрополии.

¹ *Басин*. Россия между Европой и Азией. Утверждение Басина о том, что в XVIII веке сложился образ русской метрополии к западу от Урала и «азиатской колонии» в Сибири, не убедительно. В главном источнике Басина — трудах историка и географа В. Н. Татищева — единственной причиной определения границы Европы и Азии на Урале является указание на разницу во флоре и фауне по обе стороны от гор. Цивилизационного различия между Европой и Азией Татищев не проводит. *Татищев*. Избранные труды по географии России. С. 112, 114–115, 130–132. — Вера Тольц и У. Сандерленд уже указывали на то, что мнение о существовании «метрополии» и «колонии» в российском государстве XVIII века не смогло укорениться. *Tolz. Russia*. P. 155–161; *Sunderland. Imperial Space*. P. 55.

² Понятием *нация* российская элита обозначала любую этнически однородную группу *внутри* Российской империи. В административной записке за 1759 год говорится: «но какой бы нации и веры ни был <...> только бы был российской подданной». См.: Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рычкова Коллегии ин. дел о положении в Малом и Среднем жузах // КРО. Т. 1. № 225 (22.01.1759). С. 571–591, здесь с. 573. — Другие примеры: Грамота имп. Анны на имя хана Большого жуза Жулбарга о принятии его в российское подданство // КРО. Т. 1. № 66 (19.09.1738). С. 129; Из журнальной записи беседы хана Нурали и султана Айчувака с оренбургским губернатором Д. Волковым во время приезда хана в г. Оренбург // КРО. Т. 1. № 256 (09.10.1763). С. 652–659, здесь с. 654.

Долгосрочной целью данной трансформации, как показано в работе, было, с одной стороны, преодоление ощущаемого дефицита цивилизованности, а с другой стороны, слияние различных этнических групп с русским или российским аккультурированным населением, составляющим большинство, и в результате объединение пространства империи с пространством находящегося под русским влиянием унитарного государства¹. Анализируя активную российскую политику аккультурирования и отчасти даже ассимиляции, автор, таким образом, приводит доводы в пользу модификации существовавшего до сих пор предположения об истоках первых стратегий и практик русификации по отношению к нерусскому населению на юге и востоке страны².

В-четвертых, положение данной работы, согласно которому определенные фазы российского господства в плане его политики по отношению к некоторым периферийным территориям в XVIII веке следует характеризовать как колониальные, ставит под сомнение одновременно три противоречащие друг другу точки зрения, высказанные в научной литературе. Согласно одной из них, уже Московское государство вело колониальную политику в широком смысле; в соответствии с другим

¹ Таким образом, результаты данной работы поддерживают аргументацию У. Сандерленда, утверждающего, что устойчивое концептуальное наложение воображаемого имперского и национального пространств российской державы возникло в XVIII веке. Лишь в XIX веке некоторые ученые и политики начали высказывать сожаление по поводу этой симбиотической связи между национальной территорией и империей и склоняться в пользу других концепций. *Sunderland. Imperial Space*. P. 33–66.

² В недавно вышедшей книге, посвященной русификации, XVIII век преимущественно игнорировался. *Gasimov (Hg.). Kampf um Wort und Schrift*. — Характер целенаправленного процесса аккультурирования или ассимиляции, который источники уже в начале XVIII века подают как «русифицирование» (*обрусение*), детально рассмотрен в отдельных главах как сквозная тема. В заключении собраны результаты с учетом дискуссии исследователей о понятии «русификация». — «Аккультурация» (результат) и «аккультурирование» (процесс) происходят от латинского *ad* и *cultura* и обозначают исключительно введение в (другую) культуру. Эти понятия необходимо отличать от подразумевающих гораздо более глобальную цель понятий «ассимиляция» и «ассимилирование», происходящих от латинского *assimilatio* и подразумевающих достижение сходства, полного уподобления или растворения в иной культуре. *Brockhaus Enzyklopädie*. Bd. 1. S. 403; Bd. 2. S. 545; *Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten»*. S. 161–167.

мнением, о колониализме можно вести речь только по отношению к XIX веку; представители третьей точки зрения высказывают сомнение, проводила ли вообще Российская империя когда-либо колониальную политику, сравнимую с политикой западноевропейских держав, и если да, то в какой степени¹. В противовес указанным мнениям данная работа поддерживает тезис о том, что русское царское правительство уже с XVIII века периодически осуществляло колониальное правление (определение данного термина раскрыто в следующем параграфе), тогда как в предшествующем столетии отсутствовали как сознание собственного цивилизационного превосходства (имеющее фундаментальное значение для дефиниции колониального господства), так и воля к настойчивому преобразованию образа жизни коренных народов². Оба этих фактора имели решающее значение для формирования внешнего управления нерусскими этническими группами в XVIII веке.

¹ Точку зрения, согласно которой уже Московское царство в широком смысле вело колониальную политику, поддерживает в том числе *Rywkin. Russian Central Colonial Administration*; Дитрих Гайер говорит применительно к XIX веку о «внутригосударственной колониальной системе», применительно к предшествующему времени вообще — о «колониальных отношениях господства»: *Geyer. Der russische Imperialismus. S. 14, 239 f.*; *Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier*; *Akimov. Les voivodes sibériens*; *Он же. Северная Америка и Сибирь*; *Kivelson. Cartographies of Tsardom. — О колониальном характере действий российского государства с XIX века пишет: Kolarz. La Russie et ses colonies*; *Galuzo. Das Kolonialsystem des russischen Imperialismus*; *Raef. Un empire comme les autres?*; *Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. S. 486 f.*; *Idem. Rußland und die Sowjetunion. S. 197, 199*; *Martin. Law and Custom in the Steppe*; *Kappeler. Russlands zentralasiatische Kolonien. S. 140*; *Luehrmann. Alutiq Villages under Russian and U. S. Rule*; *Cooper. Colonialism in Question. P. 60*; *Happel. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. S. 28 f.* — О дискуссии о том, почему в Российской империи в XIX веке не существовало «колониального ведомства», см.: *Sunderland. The Ministry of Asiatic Russia*; *Ремнев. Российская власть в Сибири. — Мнение, что в принципе сомнительно, что российское государство может быть названо колониальным, разделяют среди прочих Wesseling. The European Colonial Empires 1815–1919*; *Трепавлов. Империя как сообщество народов. С. 125. — Кроме того, многие авторы отстаивают точку зрения, что элементы колониального правления можно обнаружить пусть и не в Петровскую эпоху, но уже к концу XVIII века: Brower. Turkestan and the Fate of Russian Empire. P. 14*; *Stolberg. Der Mond ist kein Kochtopf. S. 17–18.*

² М. Ходарковский обращается к той же теме с иным результатом и не делает различия между имперской и колониальной фазами правления российского государства в раннее Новое время. *Khodarkovsky. Between Europe and Asia.*

Наконец, *в-пятых*, задача данной работы состоит в том, чтобы модифицировать существовавший до сих пор анализ того, как были адаптированы в Российской империи идеи Просвещения. То, что отныне отношения с Западной Европой стояли на повестке дня российской элиты, стало не единственным значимым результатом рецепции идей Просвещения¹. Данная работа расширяет поле зрения и направляет взгляд на то, каким образом рецепция избранных идейных направлений Просвещения воздействовала на имперскую политику российского государства. При этом понятие Просвещения, несмотря на весьма позитивные коннотации его возникновения, не будет рассматриваться само по себе ни как позитивное, ни как негативное явление². Кроме того, не входит в задачи данной работы выносить суждение о том, придерживаются ли отдельные представители Просвещения колониалистской или антиколониалистской точки зрения³. К тому же Просвещение пони-

¹ *Hildermeier*. Traditionen «aufgeklärter» Politik.

² О позитивной коннотации характера «Просвещения» или французского термина *Siècle des Lumières*: *Mortier*. «Lumière» et «Lumières». P. 13–59. — Наиболее известная критика Просвещения пришла на XX век: *Хоркхаймер*, *Адорно*. Диалектика Просвещения.

³ На *стороне критиков* находятся философы постмодернизма, которые отождествляют претензии Просвещения на прогресс с проектом, который заключался в «гомогенизирующем и тоталитарном дискурсе», «абстрактной и империалистической фикции» и в воле к принятию мер против многообразия мира. *Gray*. After the New Liberalism. P. 120–124; *Ghachem*. Montesquieu in the Caribbean. P. 7; *MacIntyre*. Der Verlust der Tugend; *Wokler*. Projecting the Enlightenment. P. 108–128. — Тенденцию философии Просвещения к исключению других культур и в этом смысле к формированию основ современного колониализма усматривают: *Spivak*. A Critique of Postcolonial Reason; *Metha*. Liberal Strategies of Exclusion. P. 59–86; *Idem*. Liberalism and Empire; *Hulme*. The spontaneous hand of nature. P. 16–34. — Другие полагают, что расизм является неотъемлемой частью философии Просвещения. *Eze*. Race and the Enlightenment. — Границы борьбы Просвещения с рабством подчеркиваются в работе *Sala-Molins*. Les Misères des Lumières. — *Сторона защиты* ссылается на критику колониализма, исходившую именно от самих философов Просвещения. *Muthu*. Enlightenment against Empire. — Юрген Остерхаммель не признает, что философы XVIII века смотрели на мир сквозь какие-то «колониальные очки»; он считает, что европейские сочинения об Азии только с 1800 года приобрели империалистический характер. *Osterhammel*. Die Entzauberung Asiens. S. 67. — Другие авторы придают большое значение разграничению между умеренным и радикальным

мается здесь не как некая монолитная концепция¹. Скорее оно рассматривается как собрание *нарративов*, которые по сути объединены новым, саморефлексивным пониманием исторического значения и самобытности Европы, в основе которого лежит идея прогресса².

Таким образом, не вдаваясь в философские и литературоведческие изыскания, посвященные авторам Просвещения, данное исследование сосредотачивается на вопросах о том, в какой степени акторы перенимали отдельные нарративы Просвещения и какую политику они проводили с их помощью. Тогда оказывается очевидным не только *то*, что такие концепты, как цивилизация и стадияльная теория развития, то есть позиционирование человечества на различных ступенях «цивилизационной лестницы», устойчиво формировали имперское правление в российской державе. Прежде всего становится ясно, *как* эти концепты, далекие от «башни из слоновой кости» философских дебатов, использовались российской элитой, чтобы легитимировать свою отчасти колониальную политику или же чтобы установить ее пределы. Именно этот аспект *взаимосвязи* философской мысли с политической историей является при прояснении отношений Просвещения и колониализма зоной, еще ждущей своего исследования. До настоящего времени в данной дискуссии принимали участие преимущественно литературоведы и философы и в наименьшей степени — историки колониализма³.

Просвещением. Лишь последнее, по их мнению, заложило идеальные основы современных демократий. *Israel*. Radical Enlightenment; *Idem*. Enlightenment Contested; *Idem*. Democratic Enlightenment; *Knott, Taylor*. General Introduction. P. XV–XXI. — Актуальное полемическое сочинение по поводу этой дискуссии: *Tricoire, Pečar*. Falsche Freunde. Краткое обобщение дискуссии: *Tricoire*. Introduction. P. 1–5; а также *Carey, Festa*. Introduction.

¹ Это одно из самых важных обвинений, выдвинутых против критиков взглядов «Просвещения вообще». *Carey, Festa*. Introduction. P. 5–6; *Conrad*. Enlightenment in Global History.

² См.: *Edelstein*. The Enlightenment. P. 2 f. — У Эдельштайна, однако, речь идет о нарративе Просвещения в единственном числе. Учитывая неоднородность и изменение форм выражения Просвещения, мне кажется более продуктивным говорить о нарративах во множественном числе.

³ *Tricoire*. Introduction. P. 1; *Carey, Festa*. Introduction. P. 13.

1.2. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Основным для всех вышеназванных аспектов является вопрос, какие именно определения стоят за понятиями «империя», «колониализм» и «колонизация». Множество форм правления обозначались в прошлом и обозначаются сегодня термином «империя», и это осложняет выбор определения, которое бы соответствовало каждому отдельному случаю от «Древнего Рима до Соединенных Штатов»¹. Несмотря на признание того, что «хотя общее и существует, но всегда лишь в образе частного»², исследований империй и определений этого понятия уже давно великое множество³. В рамках предложенной работы под «империей» понимается сложносоставной союз господства, чья метрополия контролирует множество периферийных территорий и их культурно инородное население с помощью угрозы насилия, административного управления и местного коллаборационизма и высказывает претензии на универсализм⁴.

Одновременно с этим последние исследования отчетливо показали, что империи в столь же незначительной степени являются данностями и статичными образованиями, как и нации. Скорее

¹ См., например: *Münkler. Imperien; Burbank, Cooper. Imperien der Weltgeschichte.*

² *Reinhard. Geschichte der Staatsgewalt.* S. 19–20.

³ Обзор литературы представлен в приложении в: *Wilson (Ed.). A New Imperial History.* P. 363–373. — Об империях вообще: *Howe. Empire; Eisenstadt. The Political Systems of Empires; Doyle. Empires; Burbank, Cooper. Imperien der Weltgeschichte.* — О периоде до 1800 года: *Pagden. Peoples and Empires; Muldoon. Empire and Order.* — Обзор определений дает *Motyl. Imperial Ends.* P. 15–30; *Osterhammel. Imperialgeschichte; Motyl. Thinking About Empire.* — Весьма содержательное введение в историю понятия «империи» предлагает *Lieven. Empire,* особенно гл. 1, 3–26; наряду с этим: *Becker. Russia and the Concept of Empire.*

⁴ Это определение опирается на гораздо более развернутую дефиницию Ю. Остерхаммеля, согласно которой империя — это «обширный, иерархически упорядоченный союз господства полиэтничного и мультиконфессионального характера, единство которого обеспечивается угрозой насилия, административным управлением, местным коллаборационизмом, а также универсалистской программностью и символикой имперской элиты (обычно возглавляемой монархом), а не социальной и политической гомогенизацией и идеей всеобщего гражданства». *Osterhammel. Europamodelle und imperiale Kontexte.* S. 172. — В случае Российской империи универсалистская претензия начиная с XVI века заключалась прежде всего в притязании на роль державы — защитницы православной веры.

переходные формы могут быть подвижными — от империи к унитарному или национальному государству и наоборот, — что позволяет рассматривать эти два феномена в большей степени как идеальные типы, между которыми существует множество вариантов империй с признаками национального государства, так же как и единых/национальных государств с имперскими признаками¹. Чтобы отразить процессообразный, местами ситуативный характер этого явления, некоторые авторы даже отказываются от термина «империя» и охотнее выбирают выражения «имперская формация», «имперская ситуация» или «имперская модель»².

Независимо от выбора терминологии, не существует разногласий в вопросе о том, что имперское мышление и действия предполагают в первую очередь различие: с одной стороны, разделение, усматриваемое внутри союза господства между «нами» — воображаемой, часто гомогенной с точки зрения языка и религии, связанной с метрополией господствующей элитой — и всеми теми «Другими», которые отличаются от этой центральной группы (опять же в основном по языковому и религиозному признакам) и относятся к перифериям³. С другой стороны, имперское господство также применяет *политику* различия в отношении многообразия народностей, не входящих в центральную группу, и правит различными этническими группами по-разному⁴.

¹ Kumar. Nation-States as Empire, Empires as Nation-States; Leonhard, v. Hirschhausen. Empires und Nationalstaaten; Berger, Miller (Ed.). Nationalizing Empires.

² Stoler. On Degrees of Imperial Sovereignty. P. 128; *Idem.*, McGranahan, Perdue (Ed.). Imperial formations; Julian. Patterns of Empire. — Аргументы в пользу понятия «имперская ситуация», которое еще будет критически рассмотрено далее, см.: Cvetkovski. Introduction. P. 18.

³ Hall. Cultures of Empire. P. 16. — Своеобразие ситуации Российской империи заключалось в том, что властная элита по составу являлась полиэтничной. Вместе с тем она была в значительной степени социально и культурно однородной и по меньшей мере в XVIII веке в собственном представлении достаточно четко контрастировала с нехристианскими этносами, воспринимавшимися как «Другие». Ее собственная сплоченность явилась прежде всего результатом принадлежности к христианству, к воображаемому «цивилизованному миру» и общей политической культуре, понимавшейся как «династический имперский патриотизм». Kappeler. Bemerkungen zur Nationsbildung der Russen. S. 29–30.

⁴ Barkey. Empire of Difference; Burbank, Cooper. Imperien der Weltgeschichte. — Брайан Бок ввел в обиход точное понятие «сепаратная сделка» для царской политики различного обращения с различными группами в государстве. Voeck. Imperial Boundaries. P. 30.

Как такая основанная на различии политика соотносится с *колониальным* господством? В основе колониализма тоже лежит политика, построенная на различии. Имперская политика понимается здесь как «родовое понятие», под которое подпадает и колониальное господство. Другими словами: не каждое имперское господство одновременно является колониальным. Колониальное же господство, напротив, осуществляется, как правило, только империями. Определяющими критериями колониального господства и современного колониализма в данной работе считаются признаки, указанные в широко признанном специалистами определении, данном Ю. Остерхаммелем. Определение Остерхаммеля подходит к феномену колониализма всесторонне, ограничивая, однако, центральное содержание этого понятия тремя критериями: это, во-первых, попытка управлять извне целым обществом, лишить его собственного исторического развития и переориентировать его на потребности и интересы колонизаторов; во-вторых, характерная для колонизаторов убежденность в более высокой ценности собственной культуры, на основании чего они формулируют и обосновывают тезис о том, что их глобальная миссия — перестроить колонизируемые общества; и в-третьих, ожидание, что колонизируемые будут перенимать навязываемые колониальной властью ценности и обычаи¹.

Эти три критерия (внешнее управление, осознание своего превосходства и ожидание аккультурации) образуют эталон, по отношению к которому ниже будут оцениваться различные концепции и практики властвования российской элиты в XVIII веке с целью определить, носили ли они только имперский или же более специфический колониальный характер.

¹ *Osterhammel. Kolonialismus. S. 19–20.* Подробное определение колониализма, данное Остерхаммелем, гласит: «Колониализм — это отношения господства между коллективами, в которых фундаментальные решения об образе жизни колонизированных принимаются и фактически исполняются отличным в культурном отношении и мало готовым к адаптации меньшинством колонизаторов, при первоочередном соблюдении внешних интересов. В Новое время с этим, как правило, связаны самооправдательные идеологические доктрины, основанные на убеждении колонизаторов в собственном культурном превосходстве и своей предназначенности к цивилизаторской миссии». *Osterhammel. Kolonialismus. S. 21.*

С помощью такой процедуры понятие «колониальный» применительно к Российской империи (как это оказалось необходимым и с тех пор было неоднократно осуществлено в отношении понятия «империя») будет освобождено от оценочных коннотаций, оно станет пригодно для чисто аналитического подхода, что облегчит изучение российской державы в рамках компаративных исследований империй и колониализма¹. Прежде всего, использование понятия «колониальный» в приложении к Российской империи представляется эвристически полезным в тех случаях, когда можно различать политику, направленную на подчинение, повиновение, получение дани, и политику, выходящую за рамки этих целей. О колониальном господстве в том смысле, в котором это понятие применяется в данной работе, можно говорить только тогда, когда политический центр державы осуществляет попытки глубокого вмешательства во внутренние дела покоренного населения, обычно используя насилие или угрозу такового, руководствуясь ощущением собственного культурного превосходства и стремясь навсегда изменить прежний образ жизни покоренного населения в соответствии с predetermined шаблонами и подчинить это изменение исключительно потребностям метрополии, минимально учитывая интересы местных жителей².

Тем самым становится ясно, что колониализм рассматривается и анализируется в данной работе, как и в определении Остерхаммеля, прежде всего как *отношение господства*. А *территориальному* аспекту, то есть географической удаленности от метрополии, которую обычно связывают с заморским колониализмом и концепцией *колонии*, применительно к Российской империи отводится лишь незначительная роль как предпосылке установления колониального господства. Учитывая размытость

¹ Gerasimov, Glebov, Kaplunovski, Mogilner, Semyonov. In Search of a New Imperial History; Gerasimov, Kusber, Semyonov (Ed.). Empire speaks out. — Йорн Хаппель успешно включает Россию в колониальную историю. Happel. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik, особенно S. 27–35; Idem. Kolonialisierte Lebenswelten.

² Остерхаммель справедливо указывает на то, что колониальные правительства часто не имели средств для достижения своих целей, однако это не существенно по отношению к теоретическому контексту определения понятия. Решающим для последнего является только явная воля метрополии превратить периферийные общества в вассалов. Osterhammel. Kolonialismus. S. 19.

границ между метрополией и периферийными областями, столь характерную для континентальных империй и препятствующую строгому географическому разделению, не представляется возможным (или можно лишь неудовлетворительно) однозначно отнести периферийные территории российского государства XVIII века к категориям колоний-владений, поселенческих колоний или колоний-баз в том смысле, как их понимал Остерхаммель¹. В случае с южными и восточными окраинами речь шла скорее о территориях, на которые Российская империя заявляла претензии, в зависимости от обстоятельств, либо путем приграничной колонизации, либо в ходе захватнических войн, сформировавших ее как империю; в обоих случаях эти территории не были четко отграничены от метрополии². Чтобы подчеркнуть эту особенность по сравнению с заморским колониализмом, можно, по аналогии с рассуждениями Клеменса Рутнера о Габсбургской империи, говорить о присущем Российской империи «внутриконтинентальном колониализме»: это понятие учитывает также и подвижные границы между центром и периферией³.

¹ Определением «поселенческая колония» описывается явление, когда представители титульной нации сами селятся в присоединенных областях и своим поселением и укладом жизни попирают права и интересы коренного населения. В случае «колонии-владения» (*Herrschaftskolonie*) заселения представителей титульной нации не происходит: покоренная страна служит или для стратегических гарантий имперской политики, или/и для экономической эксплуатации. «Колония-база» — результат действий морского флота. См.: *Osterhammel. Kolonialismus*. S. 17–18. — Применительно к Российской империи XVIII века обнаруживаются в лучшем случае смешанные типы колоний, описанных Остерхаммелем, — например, в южных степях, где идентифицируются элементы поселенческой колонии и колонии-владения, частично на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и в Русской Америке, где наблюдались черты колонии-владения и колонии-базы. Сибирь (без Дальнего Востока) может быть в некоторые периоды и с ограничениями обозначена как поселенческая колония. — Остерхаммель относится критически к гипотезе о наличии колониализма без колоний, но не исключает ее. *Osterhammel. Kolonialismus*. S. 22.

² Хотя линейное территориальное размежевание в южных степных областях проводилось с помощью строительства укрепленных линий, однако они не рассматривались как постоянные обозначения границ. Подробнее см. гл. 4.2.

³ *Ruthner K. u. K. Kolonialismus als Befund*, особенно S. 111. — Историк Отто Хётцш писал уже в 1946 году о российской державе: «Это была континентальная колониальная империя без моря». *Hoetzsch. Russland in Asien*. S. 125. Однако из-за уточнения «без моря» высказывание Хётцша сегодня больше

Для обозначения географического аспекта имперского и колониального господства в российском государстве представляется более удобным использовать термин «фронтир» (*frontier*) вместо термина «колония»¹. Под *фронтиром* понимается, так же как и у Ю. Остерхаммеля, «подвижная граница освоения ресурсов», или, точнее, «проявляющийся на обширных территориях тип процессуальной ситуации контакта», при котором «на определенной территории вступают в контакт минимум два коллектива различного этнического происхождения и культурной ориентации, преимущественно применяя силу или угрожая друг другу ее применением. Отношения между этими коллективами не регулируются унитарными и четкими государственным порядком и правовыми нормами»². Один из этих коллективов выступает при этом в роли захватчика, его представители заинтересованы в первую очередь в присвоении и эксплуатации земель и/или других природных ресурсов³.

не актуально. См., например: Алексеев. Судьба Русской Америки; Winkler. Das Imperium und die Seeotter.

¹ Фредерик Дж. Тернер ввел понятие *фронтир* в своей вышедшей в 1893 году книге «The Frontier in American History». Дискуссии о сравнении американского *фронтира* с востоком российской державы ведутся по сей день. Treadgold. Russian Expansion; Wiczyński. The Russian Frontier; LeDonne. The Frontier in Modern Russian History; Khodarkovsky. From Frontier to Empire; Bassin. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»; Kappeler. Rußlands Frontier in der Frühen Neuzeit; Резун и др. (ред.). Фронтир в истории Сибири и Северной Америки; Rieber. Changing Concepts; Frank. «Innere Kolonisation» und frontier-Mythos; Stolberg. The Genre of Frontiers and Borderlands; Häfner. Von der *frontier* zum Binnenraum.

² Osterhammel. Die Verwandlung der Welt. S. 465, 471.

³ Если принять, что *фронтир* — это «проявляющийся на обширных пространствах тип ситуации контакта как процесса», то при такой дефиниции большинство аргументов, которые недавно выдвигались *против* применения данного понятия и в то же время предлагали использование альтернативного понятия «пограничная область» (*borderlands*), теряют свою актуальность. Идея «ситуации контакта» отражает спорный характер означенных зон между колониальным и местным миром, а также возможность тесных взаимосвязей местных акторов. Кроме того, сохраняется возможность различия между *фронтиром* как ситуацией контакта между коллективами, которые не одинаково сильны с точки зрения насильственно-военной власти, с одной стороны, и *пограничными областями*, с другой стороны, в которых две или более колониальные державы оспаривают территории друг у друга. Osterhammel. Die Verwandlung der Welt. S. 473. — Против понятия *фронтир* и в пользу понятия *пограничная область* высказываются также Hämmäläinen, Truett. On Borderlands.

Применительно к российскому государству такая «подвижная граница освоения ресурсов» может быть использована для описания как планировавшихся, так и реализованных случаев захвата многих территорий на юге и востоке, что одновременно также подпадает под определение «колонизации». В отличие от *колониализма*, который обозначает отношение господства, *колонизация* описывает процесс, при котором поселенцы захватывают земли, чтобы использовать их по своему усмотрению¹.

1.3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Но как в случае континентального государства с размытыми границами между центром и периферией отличить колонизацию приграничных районов, равно как и сопутствующую ей колониальную политику, от *строительства государства*? Разве не должны были такие характерные для раннего Нового времени процессы, как усиление и расширение государственных институтов, рецепция централистских концепций правления — «абсолютизма», камерализма, меркантилизма — и политика унификации и рационализации неизбежно сопровождаться таким способом правления, который элементарно вмешивается в жизнь подданных в том числе и в приграничных районах?² Действительно, данная работа исходит из того, что приграничная колонизация

¹ *Hausmann*. Kolonisation; *Osterhammel*. Kolonialismus. S. 7–16. — Важные исследования о колонизации территории российского государства: *Перетяткович*. Поволжье в XV и XVII веках; *Он же*. Поволжье в XVII и начале XVIII века; *Багалей*. Очерки из истории колонизации; *Любавский*. Обзор истории русской колонизации; *Sunderland*. Taming the Wild Field; *Breyfogle*, *Schrader*, *Sunderland* (Ed.). Peopling the Russian Periphery; *Эткинд*. Внутренняя колонизация.

² *Vocelka*. Geschichte der Neuzeit. S. 175–180; *Wesseling*. The European Colonial Empires. P. 142–144. — Термин «абсолютизм» помещен в кавычки, поскольку остается спорным, не лучше ли отказаться от данного термина и историографической концепции «абсолютизма» или по меньшей мере не применять его к Российской империи. В отличие от Западной Европы, в Московском государстве отсутствовали сильные сословия, так что победа монарха над сословиями была невозможна. А именно такая борьба и такой ее исход, как правило, связывается с возникновением «абсолютизма». Ханс-Иоахим Торке ввел для Московского государства понятие «автократический абсолютизм». *Torke*. Absolutismus. S. 9–11. — О дискуссии по поводу абсолютизма: *Duchhardt*. Das Zeitalter des Absolutismus. S. 159–165.

и строительство государства были тесно связаны между собой. Речь при этом идет об основном признаке *построения империи* (*empire-building*) континентальными государствами. В результате большое внимание будет уделено тесной взаимосвязи строительства государства и империи. Также вышеназванные формы господства и политико-экономические концепции играли значительную роль для российской политики правительства в XVIII веке¹.

В то же время в работе отвергается идея описывать с помощью понятия «строительство государства» все процессы, во время которых нерусские этнические группы, часть из которых столетиями ранее, а часть — только в XVIII веке были включены в состав российской монархии, в течение нескольких десятилетий были лишены собственного исторического развития, управлялись извне с политико-социальной точки зрения и были (в реальности или по плану) переориентированы на политические, военные и экономические потребности и интересы центра. Ведь тем самым именно процессы, которые при изучении морских империй как бы само собой аналитически причисляются к колониализму, в случае Российской империи уже в силу одной только ее континентальной протяженности рассматриваются как составляющие «абсолютистского» или камералистского строительства государства².

Однако не только императив сравнительной имперской и колониальной истории требует в данном случае другой перспективы. Не следует забывать и о сформулированной в рамках *постколониальных исследований* задаче историка — воздерживаться от взгляда на ситуацию с позиции лишь *одной* из действующих сторон³. Центральные понятия — и прежде всего они — должны

¹ Raeff. *The Well-Ordered Police State* (1975); *Idem*. *Seventeenth-Century Europe in Eighteenth-Century Russia?*; *Idem*. *The Well-Ordered Police State* (1983).

² Парадигма данного подхода заложена коллективным трудом «Национальные окраины Российской империи». Несомненно, эта книга представляет собой большое научное достижение, тем более что с момента выхода фундаментального труда Каппелера имперское российское господство почти не освещалось синхронно и всесторонне применительно к *различным* перифериям. Агаджанов, Трепавлов (ред.). *Национальные окраины Российской империи*.

³ *Chambers, Curi* (Ed.). *The Post-colonial Question*; *Hall*. Introduction. P. 5; *Kennedy*. *Imperial History and Post-Colonial Theory*. — Все «западные» историографии уже давно прошли стадию перехода к постколониальным исследованиям.

быть такими, чтобы они не теряли своей валидности при взглядах с разных сторон. Так, например, понятие «строительство государства» при его использовании для обозначения российской политики *фронтира* XVIII века в значительной степени игнорировало бы точку зрения нерусского населения юга и востока страны.

Аналогичные критические замечания справедливы для использования такого понятия, как «внутренняя» колонизация¹. Включение в это понятие также осуществляемого в интересах метрополии захвата ареала расселения *инородных* коллективов и культур несет в себе опасность игнорирования значимости исходящей от этой метрополии *экспансивной* колонизации. Подобная колонизация включает господство над чужими этическими группами и в этом смысле она скорее эквивалентна «внешней» колонизации и превращению страны в колониальную державу². Использование же термина «внутренняя колонизация», с другой стороны, означало бы возвращение к вышеупомянутой традиции таких знаменитых русских историков XIX века, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов, согласно нарративу которых «русская» территориальная и имперская экспансия проходила не как силовой захват, а как мирное освоение земель. Кроме того, применение этих понятий способствовало бы представлению истории российского многонационального государства — в традиции вышеупомянутых историков — как исключительно русской истории³.

Об истоках: *Hall*. Wann war «der Postkolonialismus»?; *Conrad, Randeria* (Hg.). Jenseits des Eurozentrismus. — О продуктивном влиянии на данную работу постколониальных исследований см. ниже (гл. 1.3).

¹ О последней: *Эткинд*. Внутренняя колонизация.

² Ср. критику этого подхода с позиции культурологии *Frank*. «Innere Kolonisation» und frontier-Mythos, и *Stolberg*. Der Mond ist kein Kochtopf. S. 16–17. — Стивен Саболь использует термин «внутренняя колонизация», однако понимает под ним прежде всего *колониальный* характер политики российского государства и США. Выбор термина «колонизация», кроме того, вводит в заблуждение, поскольку центральной задачей Саболя является именно поиск сходных черт российского и американского способа действий с подходами *колониальных* заморских империй XIX века. *Sabol*. The touch of civilization.

³ *Reddel*. S. M. Solov'ev and Multi-National History; *Byrnes*. Kliuchevskii on the Multi-National Russian State; *Becker*. Contributing to a Nationalist Ideology. — Особо известна фраза Ключевского: «История России есть история страны,

*Господство в многонациональном государстве:
этническое и географическое многообразие*

Однако не только тесное переплетение процессов строительства государства и строительства империи представляет значительную трудность для исследователя российской имперской истории. Помимо этого, Российская империя присоединилась к ряду европейских империй — как морских держав, так и континентальных — еще и в том смысле, что на разных ее окраинах *одновременно* существовали *различные* формы правления. Эта столь типичная для империй особенность — наличие ступенчатых политических иерархий, гетерогенных правовых структур и регионально крайне отличных друг от друга подходов — в случае Российской империи выражалась в одновременном существовании типично имперских форм господства в отношении нерусских или не исконно русских подданных на севере и западе, то есть в Смоленске с 1654 года, в Эстляндии и Лифляндии с 1710-го, в Карелии, Старой Финляндии с 1721–1743 годов, на польских территориях, присоединенных в результате разделов, с 1772, 1775 и 1795 годов, и таких форм господства, которые сочетали имперские и колониальные фазы, как в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в регионе северной части Тихого океана, на Русской Аляске, в южных степях и на Северном Кавказе¹.

которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией». *Ключевский*. Русская история. Т. 1. С. 22. — Эту традиционную точку зрения уже критиковали среди прочих У. Сандерленд и М. Ходарковский: *Sunderland. Taming the Wild Field; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier*.

¹ Присоединенная в 1654 году *гетманская Украина* является особым случаем. Действительно, можно провести параллели между политикой в ее отношении и колониальным российским подходом по отношению к автономиям ногайцев, калмыков и казахов. Однако по причине языковой, религиозной и культурной близости населения Гетманщины большая часть украинской элиты воспринимала чуждость великорусского народа как вполне преодолимую и некоторой своей частью стремилась к всесторонней интеграции в российское государство. Вследствие этого стирались различия между двумя этническими группами, и потому понятие колониальности здесь не уместно. *Plokhy. The Origins of the Slavic Nations*. P. 250–298; *Kohut. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy*. — О дискуссии об Украине как «европейской» или «внутренней колонии», которая в 1920-х годах велась в Украинской Советской Республике, ср.: *Kononenko. Ukraine and Russia*. — Другой особый случай — *Крымское ханство*. После российской аннексии в 1783 году оно утратило